

Левъ Николаевичъ ни словомъ не обмолвился по этому поводу, не въ примѣръ прочимъ „благодѣтелямъ“, считающимъ непремѣннымъ долгомъ за свою лепту прощать цѣлую лекцію.

Онъ только возразилъ на сорвавшееся у меня признаніе:

— Напрасно такъ говорите, что все потеряно!.. Пока духъ не потерянъ,—значить, ничего не потеряно!.. Скажите-ка лучше, сколько вамъ нужно денегъ на покупку платья?

— Извините, — говорю, — я не могу самъ назначить сумму...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: скажите...

Но я тѣмъ не менѣе не рѣшался выговорить ту или другую цифру, и Левъ Николаевичъ, замѣтивъ мое колебаніе, спросилъ:

— А гдѣ будете покупать?

— На рынкѣ, подержанное,—отвѣтилъ я.

— Тогда, пожалуй, этого будетъ достаточно...

И онъ далъ мнѣ десять рублей.

Умышленно не больше—въ чёмъ я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь,—чтобы лишнія деньги не ввели меня въ соблазнъ.

Подлѣ настѣ, во все время разговора, работали черезъ лупы братья-гравера, и Толстой, замѣтивъ, вѣроятно, ихъ напряженные взоры, взглянулъ на пальмовыя клише и покачалъ головою:

— Трудно, господа, для зреѣнія, ахъ, какъ трудно!..

— Что жъ дѣлать?.. Ужъ мы привыкли...—отвѣтилъ одинъ изъ братьевъ.

— Такъ я васъ жду,—обратился ко мнѣ Левъ Николаевичъ.—Непремѣнно приходите!..

И онъ направился къ выходу.

Яшелъ за нимъ слѣдомъ.

— Да вы простудитесь, куда вы?—испуганно сказалъ онъ, замѣтивъ, что и я, въ моемъ эфемерномъ одѣяніи, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на морозъ.

— Ничего,—говорю,—не беспокойтесь... Я хотѣлъ васъ попросить, чтобы вы мнѣ дали вмѣсто десятирублевой бумажки двѣ по пяти: а то увидѣть, знаете, десять рублей у меня...